

Записка Ф.Ф. Берга «О военных действиях, возможных на севере в кампанию будущего 1856 года»: анализ международной обстановки на Балтике в 1855–1856 гг.

Сенин Александр Васильевич

Аспирант, SPIN-код РИНЦ: [5398-4467](#), ORCID: [0009-0007-2192-544X](#), la1429@yandex.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

На заключительном этапе Крымской войны Балтийский регион в стратегических планах союзных держав рассматривался в качестве наиболее вероятного театра боевых действий. В данной статье изучается записка Ф.Ф. фон Берга «О военных действиях, возможных на севере в кампанию будущего 1856 года» — один из документов российского военного планирования, содержащих анализ комплекса факторов, влияющих на ход потенциальной кампании 1856 г. на Балтике. Цель исследования заключается в определении степени объективности оценки Ф.Ф. фон Бергом как генерал-губернатором и командующим русскими войсками в Великом княжестве Финляндском внешнеполитических угроз национальной безопасности Российской империи в 1855–1856 гг. на балтийском направлении. Для достижения цели работы выводы, содержащиеся в записке Берга, были сопоставлены с содержанием иных документов, раскрывающих стратегические планы союзников в 1855–1856 гг. Таким образом, основными методами работы стали документальный и историко-сопоставительный. По итогам изучения комплекса иных источников, характеризующих взаимодействие ключевых внешнеполитических игроков в регионе Балтийского моря в тот период, был сделан вывод о том, что Берг недостаточно точно определил расстановку сил на международной арене. Тем не менее данное обстоятельство не привело к катастрофическим последствиям для обороны северных рубежей России во многом благодаря мерам, принятым Бергом для их укрепления и по достоинству оцененным противником.

Ключевые слова

Ф.Ф. фон Берг, Крымская война, Балтийское море, Великое княжество Финляндское, Швеция, Великобритания, Франция.

Для цитирования

Сенин А.В. Записка Ф.Ф. фон Берга «О военных действиях, возможных на севере в кампанию будущего 1856 года»: анализ международной обстановки на Балтике в 1855–1856 гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 109. С. 96–108. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-109-2025-96-108

F.F. von Berg's Note "On Military Actions Possible in the North in the Future Campaign of 1856": Analysis of the International Situation in the Baltic in 1855–1856

Alexandr V. Senin

Postgraduate student, ORCID: [0009-0007-2192-544X](#), la1429@yandex.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

At the final stage of the Crimean War, the Baltic region was considered the most probable theater of military operations in the strategic plans of the allied powers. This article examines F.F. von Berg's note "On Possible Military Actions in the North in the Future Campaign of 1856" — one of the Russian military planning documents containing an analysis of a set of factors influencing the course of a potential 1856 campaign in the Baltic. The aim of the study is to determine the degree of objectivity of F.F. von Berg's assessment of the foreign policy threats to the national security of the Russian Empire in the Baltic direction in 1855–1856. To achieve the aim of the work, the conclusions contained in Berg's note were compared with the contents of other documents revealing the strategic plans of the allies in 1855–1856. Thus, the course of the work allows us to consider the documentary and historical-comparative methods the main ones used in this study. Based on the results of analyzing a set of other sources characterizing the interaction of key foreign policy players in the Baltic Sea region during that period, it was concluded that Berg did not determine accurately enough the balance of powers in the international arena. Nevertheless, this circumstance did not lead to catastrophic consequences for the defense of Russia's northern borders, largely due to the measures taken by Berg and duly appreciated by the enemy.

Keywords

F.F. von Berg, Crimean War, Baltic Sea, Grand Duchy of Finland, Sweden, Great Britain, France.

For citation

Senin A.V. (2025) F.F. von Berg's Note "On Military Actions Possible in the North in the Future Campaign of 1856": Analysis of the International Situation in the Baltic in 1855–1856. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 109. P. 96–108. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-109-2025-96-108

Дата поступления/Received: 13.01.2025

Введение

К настоящему моменту военные действия на Балтике в ходе Крымской войны, равно как и параллельно складывающаяся ситуация на международной арене в данном регионе, остаются одними из наиболее малоизученных страниц этого вооруженного конфликта [Rath 2011, 15]. В связи с этим в зарубежной историографии даже возник термин «крымоцентризм», являющийся, по мнению английских историков Б. Гринхилла и А. Гиффард, «отличительной чертой практически всех исторических трудов», посвященных той войне [Greenhill, Giffard 1988, 11]. Однако в стратегии союзников скандинавскому направлению уделялось не меньше внимания, чем черноморскому фронту. В частности, за несколько месяцев до начала Крымского конфликта лорд Кларендон, министр иностранных дел Великобритании, заявлял о том, что «в случае войны между Великобританией и Россией Балтика должна стать театром активных военных действий» [Ibid., 113]. Более того, по его же мнению, «один удар по России на Балтийском море стоит двух на Черном» [Ibid.].

К концу 1855 г. намерение союзников сделать северное направление основным в случае продолжения войны приобретает максимально четкие очертания. Премьер-министр Великобритании лорд Пальмерстон в частном письме министру иностранных дел Великобритании Кларендону от 8 ноября 1855 г. пишет по этому поводу следующее: «Общая схема ясна. Мы должны отправить флот и войска на Балтику» [Akten zur Geschichte des Krimkriegs 1988, 297].

Ход потенциальной кампании в значительной степени определялся взаимодействием между ключевыми внешнеполитическими игроками в регионе — Объединенными королевствами Швеции и Норвегии, Россией, союзными державами. На него влияли и процессы, происходящие в других регионах мира, прежде всего в Западной Атлантике.

Одним из документов, содержащих подробный анализ ситуации, сложившейся на балтийском фронте на завершающем этапе Крымской войны, является записка «О военных действиях, возможных на севере в кампанию будущего 1856 года»¹, составленная генерал-губернатором и командующим русскими войсками в Великом княжестве Финляндском генералом Ф.Ф. фон Бергом. Данный документ, направленный Бергом в Военное министерство, содержит анализ различных факторов, способных повлиять на ход потенциальных военных действий, и предложения, принятие которых необходимо для обороны побережья на наиболее вероятных направлениях удара противника.

Обзор литературы

Переломный момент 1855–1856 гг. рассматривался как в отечественной, так и зарубежной историографии, посвященной Крымской войне. Из дореволюционных трудов наиболее подробно международная обстановка на Балтике в этот период анализируется в работе М.М. Бородкина [Бородкин 1903]. Автор рассматривает эволюцию позиции Швеции и ее взаимодействие с союзными державами по вопросу возможного нарушения ею нейтралитета. Тем не менее представляется, что автором не был в достаточной степени освещен вопрос реакции российских властей на поведение шведской стороны, а также оценки Петербургом угроз, связанных с возможным вступлением Швеции в войну.

Из работ, написанных в советский период, необходимо отметить труд Е.В. Тарле «Крымская война». Особую ценность имеют содержащиеся в работе расчеты необходимого для обороны балтийского побережья количества войск [Тарле 1959, 421]. Однако представляется, что вывод автора относительно того, что Ноябрьский договор, о котором пойдет речь ниже, «не имел никакого реального значения» [Там же, 428], не совсем точен с учетом документов, анализируемых в данной статье.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 38. Оп. 4. Ед. хр. 1419 «Об общем распределении войск на 1856 г.». Л. 60–116.

Одним из недавних трудов, затрагивающих тему возможного продолжения войны на Балтике в 1856 г., является монография О.Р. Айрапетова. В контексте настоящего исследования представляет интерес рассмотрение автором взаимоотношений между Великобританией и Францией в заключительный период Крымской войны [Айрапетов 2018, 32].

Из зарубежной историографии одной из наиболее заметных работ является монография Б. Еарпа [Earp 1857]. Особая ценность данной работы, опубликованной практически сразу по окончании Крымской войны, заключается в том, что ее автор не только исследовал личные бумаги Ч. Непира, но также руководствовался личными комментариями адмирала при написании своего труда. В контексте настоящего исследования значение работы заключается в том, что она содержит характеристику внешнеполитической позиции Швеции и Дании с точки зрения современника изучаемых событий и представителя Великобритании как одного из государств — противников России в Крымской войне. О значении этой монографии свидетельствует и тот факт, что она достаточно рано была переведена на русский язык и опубликована в официальном печатном органе военно-морского ведомства — «Морском сборнике» — в 1910 г. [Еарп 1910].

Среди других зарубежных исследований необходимо отметить труды Э. Ламберта [Lambert 1990] и Э. Раса [Rath 2011]. Авторы подробно рассматривают различные аспекты потенциальной кампании 1856 г. Но записка Ф.Ф. Берга, анализируемая в данной статье и ярко демонстрирующая оценку русским командованием военно-политических угроз на балтийских рубежах империи, в них не упоминается. При этом необходимо отметить, что ее содержание затрагивалось в современной отечественной историографии. Например, А.А. Кривопапов рассматривает ее в кандидатской диссертации применительно к проблемам русского военного планирования начала II пол. XIX столетия². Однако в силу тематики диссертационного исследования внешнеполитические аспекты рассуждений Берга остаются за пределами фокуса внимания автора. Другой современный историк, Е.В. Егоров, кратко излагает тезисы Берга относительно сложившейся к концу 1855 г. международной ситуации в регионе Балтийского моря и приходит к выводу о том, что вывод Берга относительно вероятного участия скандинавских держав в войне соответствует реальному положению дел³. Однако представляется, что детальное изучение факторов, в действительности влиявших на принятие Стокгольмом и Копенгагеном решения о нарушении нейтралитета и до настоящего момента подробно не изученных, может привести к более точной характеристике тезисов Берга.

Цель, источниковая база и методология исследования

Цель настоящего исследования заключается в оценке степени объективности восприятия генерал-губернатором как главным представителем российской администрации в Великом княжестве Финляндском ключевых внешнеполитических рисков, обуславливающих меры по противодействию агрессии союзников на направлении, вышедшем на первый план в стратегических замыслах противника к концу войны.

Для достижения цели исследования были изучены: зарубежная пресса, хранящаяся в личном фонде Ф.Ф. Берга в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и в определенной степени демонстрирующая намерения союзников в предстоящей кампании; частная переписка ряда ключевых политических фигур стран-союзниц; проект секретного соглашения между Швецией, Великобританией, Францией и Австрией, составленный шведским королем Оскаром I в качестве дополнения к Ноябрьскому договору 1855 г.

² Кривопапов А.А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг.: дисс... канд. ист. наук. М., 2003. С. 198–199.
³ Егоров Е.В. Россия встречает скандинавизм: имперские представления, каналы коммуникации и практики управления (1843–1864): дисс... канд. ист. наук. СПб, Турин, 2023. С. 313.

В основе данного исследования лежат два основных метода: документальный, поскольку настоящее исследование представляет собой фактически комментарий к записке Берга, и историко-сравнительный, заключающийся в сопоставлении гипотез финляндского генерал-губернатора, изложенных в его докладе, и раскрытых в вышеперечисленных источниках замыслов политического руководства государств, влиявших на возможность проведения военной кампании на Балтике в 1856 г.

Служба Ф.Ф. фон Берга на Балтике до начала Крымской войны

Для характеристики исторического контекста, обусловившего появление записки, необходимо кратко рассмотреть предшествующую деятельность Берга в данном регионе. Ф.Ф. фон Берг был утвержден в должности финляндского генерал-губернатора 24 февраля 1855 г. К тому моменту он уже успел побывать на нескольких постах, стратегически важных для хода Крымской кампании. В ноябре 1854 г. он был назначен председателем Комитета об издании инструкций комендантам крепостей⁴, занимавшегося вопросами обороны ключевых фортификационных сооружений на балтийском побережье (прежде всего определением количества продовольствия и необходимой численности гарнизонов). Кроме того, в феврале 1854 г. Берг был назначен генерал-губернатором Ревеля и командующим войсками в Эстляндии⁵.

В 1855 г. он активно занимался укреплением потенциальных точек нападения англо-французской эскадры, а именно Улеборга, Вазы, Або, Гельсингфорса с крепостью Свеаборгом, Фридрихсгама и Тавастгуса. Центральным событием Балтийской кампании союзников 1855 г. стала бомбардировка Свеаборга. Повреждения, нанесенные городу, были относительно незначительны. Как сообщал Ф. Берг военному губернатору Ревеля П.Х. Граббе, в крепости «много пожаров, но верки крепости, батареи и артиллерия хорошо устояли»⁶.

Таким образом, действия Берга по обороне балтийского побережья Российской империи в 1854–1855 г. были достаточно эффективны. Как отмечалось выше, Балтика занимала в стратегических замыслах союзников все большее место, а потому вероятность очередного нападения на Великое княжество Финляндское была крайне высока.

Основные факторы международной напряженности на Балтике в 1855–1856 гг.

На основании полученного в предшествующие годы опыта противодействия агрессии союзников Берг высказывает свои соображения по обороне балтийского побережья России в 1856 г. в рассматриваемой в настоящем исследовании записке «О военных действиях, возможных на севере в кампанию будущего 1856 года».

Несмотря на то, что большая часть документа посвящена анализу мер военного характера, направленных на воспрепятствование нападению союзников на территорию Российской Империи, значительное место занимает анализ иных факторов, влияющих на ход будущей кампании. Особое внимание уделено внешнеполитическим угрозам национальной безопасности России на Балтике. Они затронуты прежде всего в двух частях записки, озаглавленных Бергом «Вероятность присоединения к союзу морских держав Швеции и Дании» и «Политические причины, почему неприятелю более выгодно действовать десантною армиею в Финляндии, нежели на другом пункте Балтийского побережья».

По мнению Берга, присоединение Дании и Швеции с Норвегией к союзникам зависит в первую очередь от следующих факторов:

⁴ ГАРФ. Ф. 547. Оп 1. Ед.хр. 1. «Послужные списки Берга Ф.Ф. Л. 43.

⁵ Там же.

⁶ Из дневника и записной книжки графа П.Х. Граббе (ноябрь 1854 г. – декабрь 1855 г.) // Русский архив. 1889. № 6. С. 627.

- 1) «нарождающегося несогласия Северо-Американских штатов с Даниею, которое вынуждает сию последнюю искать покровительства морских держав;
- 2) опасения сего государства за свои Вест-Индии колонии, в случае разрыва с Америкою...
- 3) ежедневно увеличивающейся в Швеции революционной пропаганды, стремящейся явно и скрытно, к разрыву с Россиею, в надежде завоеванием Финляндии осуществить мечтательный план создания союзной Скандинавской державы»⁷.

Возможность вступления в войну Дании

Затронутые Бергом в первом пункте противоречия между Данией и США в Балтийском регионе были связаны с вопросом об отмене пошлин, взимаемых с торговых судов при прохождении через пролив Эресунн (Зунд), соединяющий Северное и Балтийское моря. С XV века они являлись значимым источником дохода для датского бюджета и инструментом влияния Дании на других внешнеполитических игроков. Вопрос об отмене этих пошлин неоднократно поднимается в XIX столетии. Стремясь снизить зависимость от Дании во внешнеторговой сфере, Швеция в 1832 г. открывает Гёта-канал, обеспечивший проход между Балтийским и Северным морями в обход Зунда. В контексте изменившейся ситуации в 1842 г. Дании приходится снизить пошлины на многие товары, хотя были оставлены маячные и прочие сборы, уплата которых значительно тормозила проход судов.

В 1848 г. США отказываются платить Зундские пошлины, а также в связи с этим продлевать истекающий в 1856 г. торговый договор с Данией. Но до начала Крымской войны Дании удается оттягивать вопрос об отмене пошлин во многом благодаря поддержке России — ключевого союзника Копенгагена на Балтике. При этом во втором пункте Берг увязывает проблему Зунда с конфликтом в другом регионе — в районе Виргинских островов Карибского моря, то есть в так называемой Датской Вест-Индии. На ее стратегически выгодное положение обращают внимание США, рассматривающие Карибский бассейн в качестве сферы своего влияния. Особое значение географического расположения датской колонии проявится уже в ходе Гражданской войны в США: порты Виргинских островов активно используются как северянами, так и южанами. Важность островов обуславливается также возможностью обработки крупных плантаций сахарного тростника, экспорт которого является значительной статьёй дохода Копенгагена.

Берг продолжает свои рассуждения следующим образом: «Но если по обстоятельствам Дания принуждена будет вступить в союз Западных держав <...>, если Англия этою дорогою ценою продаст ей свое покровительство и защиту на морях против притязаний Америки, то будет ли Швеция в состоянии удержаться в нейтралитете? На это ответ может быть только отрицательный»⁸.

Для оценки справедливости данного предположения Берга представляется необходимым ответить на вопрос, насколько критичной для Дании была потеря Виргинских островов в тот момент. Разведение сахарного тростника было крайне выгодным в условиях применения рабского труда. Но в 1848 г. революционная волна, захлестнувшая Европу, докатывается до Виргинских островов, вызывая очередные волнения среди рабов. В связи с этим генерал-губернатор вынужден пойти на уступки и отменить рабство, что делает экспорт сахара из Датской Вест-Индии гораздо менее прибыльным бизнесом, чем это было ранее. Поэтому содержание колоний становится для Дании все более обременительным: королевство попытается избавиться от них в 1864 г., предложив их победившей в датско-прусской войне Пруссии в обмен на отказ от претензий на Шлезвиг и Гольштейн. Более того, после провала этого предложения в 1867 г. практически была согласована сделка по продаже Виргинских островов США (в итоге она состоится значительно позже —

⁷ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Ед. хр. 1419 «Об общем распределении войск на 1856 г.». Л. 64.

⁸ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Ед. хр. 1419 «Об общем распределении войск на 1856 г.». Л. 65.

в 1917 г.). Таким образом, гораздо более существенными для Дании в середине XIX столетия были вопросы европейской политики, а именно проблема суверенитета над герцогствами Шлезвиг и Гольштейн. В данном контексте для Дании была принципиально важна поддержка России, которая, в свою очередь, была заинтересована в Дании как государстве, контролировавшем стратегически важный для русского Балтийского флота проход из западного района Балтики в Северное море. Перед Крымской войной Дания использовала этот фактор в 1848 г., когда Пруссия двинула войска на помощь восставшего населения герцогств Шлезвиг и Гольштейн, где традиционно были сильны прогерманские настроения. Дания обращается за помощью в урегулировании конфликта к России, дипломатическое вмешательство которой приводит к выводу прусских войск с датской территории и подписанию Лондонского протокола 1852 г., закреплявшего суверенитет Дании над герцогствами. Таким образом, вероятность выступления Дании против своего ключевого союзника в регионе была не слишком высока. Этому способствовал и негативный образ Великобритании в общественном мнении (прежде всего повлияли бомбардировки английским флотом Копенгагена в 1807 г.), сложившийся после неудачной для Дании англо-датской войны 1807–1814 гг.

Представляется, что точное восприятие позиции Дании союзниками содержится в уже упоминавшемся труде Б. Еарпа. Автор данной работы пишет: «Что же касается Дании, то следовало опасаться, что она открыто перейдет на сторону России, если только русская эскадра станет на якорь в Копенгагене раньше нашей. <...> Швеция объявила все порты свои закрытыми для воюющих; Дания же закрыла только порт на Борнгольме, которым и без того никому бы не пришлось в голову воспользоваться. Поэтому ничто не мешало русскому флоту, как только вскрыется лед, перейти и стать на якорь в Копенгагене, в полной безопасности от всяких нападений, тогда как русская дипломатия старалась бы склонить Данию на заключение союзного договора» [Еарп 1910, 63]. В этой связи представляется ценной и точка зрения британского посла в Копенгагене Г. Бьюкенена по поводу общественного мнения Дании по отношению к союзникам и России. Он сообщал, что «сочувствие высших классов Дании почти всецело на стороне России; простой народ помнит события 1801 и 1807 гг., и его неприязнь к англичанам под влиянием агитации может легко перейти в открытую вражду. На стороне Англии был только промышленный класс, опасавшийся русского владычества, интересы которого были тесно связаны с нашими» [Цит. по: Еарп 1910, 63].

С учетом вышеизложенных обстоятельств вероятность вступления Дании в конфликт на стороне союзников была достаточно низкой. Таким образом, в данном случае оценка Бергом сложившейся внешнеполитической ситуации представляется не совсем точной.

Возможность вступления в войну Швеции

Значительно более уязвимым был нейтралитет Швеции, вопрос о нарушении которого поднимается Бергом в обозначенном выше третьем пункте. Прежде всего при ближайшем рассмотрении он носил недружественный по отношению к России характер. Королевство оставило свои порты открытыми для военных судов обеих воюющих сторон, однако фактически это положение было более выгодно союзникам, поскольку, как пишет Бородкин, «означенным правом в состоянии будут воспользоваться только наши противники, так как мы, в силу худшего состояния нашего флота, обречены были на оборону. Противники получали таким образом в открытых шведских гаванях большое удобство. Императорский кабинет дружелюбно, но серьезно поставил это на вид Стокгольмскому двору. Шведский король не уступил и только повторил свое обещание честно соблюсти нейтралитет» [Бородкин 1903, 96].

Кроме того, принципиально различной была заинтересованность союзников в использовании военного потенциала двух скандинавских держав. Датский флот был практически уничтожен

англичанами в 1801 и 1807 гг., и его возрождение начинается лишь в 1841 г., когда в Великобритании было приобретено два современных колесных парохода. Однако к концу 1840-х датский флот так и не смог полностью восстановить свой военный потенциал, что продемонстрировали крайне неудачные действия датского ВМФ во время конфликта с Германским союзом в 1848–1850-х гг. Таким образом, на момент начала Крымской войны боеспособность датского флота была достаточно низкой, а потому он не рассматривался союзниками в качестве серьезной военной силы.

Напротив, шведские военные и военно-морские силы (прежде всего необходимые в условиях шхер канонерские лодки с небольшой осадкой) вызывали у союзных держав значительный интерес на протяжении всей войны. Например, в мае 1854 г. военно-морской министр Джеймс Грэм сообщает в письме адмиралу Ч. Непиру следующее: «Многое зависит от окончательного решения Швеции. Если она присоединится к вам со своими канонерскими лодками и армией, Вы сможете атаковать не только Бомарзунд, но и Свеаборг» [Earp 1857, 127]. Кроме того, британское командование испытывало острую нужду в опытных лоцманах, хорошо ориентирующихся в балтийских шхерах. По сведениям Times, к моменту выхода эскадры под командованием Ч. Непира из Портсмута в его распоряжении было всего восемь лоцманов, причем они «знали о Балтике не больше, чем если бы они никогда ее не видели»⁹. Планы же использования шведских армии и флота в конце 1855 г. Times представляет читателям следующим образом: «Очень широко распространяется и обсуждается план операции, в котором говорится, что Швеция должна предоставить армию в 60000 человек, помимо своего флота и 200 канонерских лодок, которые, однако, должны будут проводить операции в Финляндии под своим собственным командованием и совершенно независимо от союзных войск»¹⁰.

Таким образом, военный потенциал Швеции мог бы значительно укрепить союзников, что делало крайне актуальным вопрос о вероятности нарушения Стокгольмом нейтралитета в конце 1855 – начале 1856 гг. Как было отмечено выше, Берг связывает потенциальное вступление Швеции в войну с идеями скандинавизма, укрепившего позиции в Дании и Швеции в 1840 – 50-х гг. Основная цель этого движения заключалась в расширении связей двух скандинавских держав изначально в культурной и академической сферах, а позднее — в области дипломатии и обороны. Изначально скандинавизм возникает в Дании в качестве противовеса идеям пангерманизма, угрожавшего Дании отторжением от нее герцогств Шлезвиг и Гольштейн. Распространение скандинавистских идей в Швеции приводит к тому, что его представители рассматривают Финляндию в качестве «потерявшегося члена скандинавской семьи» [Kuldkepp 2021, 6]. Данное обстоятельство придает скандинавизму антироссийский характер. Поскольку ряд представителей националистического фенноманского движения, эмигрировавших из Великого княжества Финляндского в Швецию, были идейно близки к скандинавистам (например, А.И. Арвидссон), Берг говорит об опасности их «революционной пропаганды». Однако представляется, что не стоит преувеличивать популярность скандинавистских идей в шведском обществе. Например, Я.А. Дашков, чрезвычайный посланник России в Стокгольме, в письме А.М. Горчакову сообщает о том, что идеи Скандинавского союза не находят широкой поддержки среди образованных слоев населения¹¹. Определенную популярность брошюры одного из идеологов скандинавизма Э. фон Квантена имели в Финляндии, однако «особого влияния они не произвели: только в молодежи они поддержали политические мечтания о новом будущем их родины» [Бородкин 1903, 178]. Действительно, как свидетельствуют отчеты Третьего отделения, антироссийские настроения панскандинавистского толка имели место в молодежной и университетской среде¹², однако в целом население Финляндии было настроено лояльно к России [Клингс 2005, 192].

⁹ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Ед. хр. 38 «Вырезки из французских, немецких, шведских и англ. газет с замечаниями Кудрявского Х.». Л. 149.

¹⁰ Там же. Л. 177.

¹¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Оп. 469. Ед. хр. 213. Л. 230.

¹² ГАРФ. Ф. 109 (1 эксп. 1855). Оп. 30. Ед. хр. 346 «О неблагоприятном духе некоторых жителей Финляндии». Л. 9–12.

Значительно большую роль в антироссийском пропагандистском дискурсе играл вопрос о делимитации российско-норвежской границы, оставшийся за пределами внимания Берга, но активно обсуждавшийся как в зарубежной прессе, так и в частной переписке представителей высших эшелонов власти стран-союзниц. Несмотря на то, что в рамках шведско-норвежской унии Стокгольм и Христиания формально проводили общую внешнеполитическую линию, фактически Норвегия обладала значительной самостоятельностью в этой сфере. Земли, лежавшие к югу от Варангер-фьорда, имели большую хозяйственную ценность для скольтов (саамов), живших как на территории Норвегии, так и Архангельской губернии Российской Империи. Проект делимитации границы, подготовленный норвежско-российской пограничной комиссией под руководством В. Галямина и Й. Спорка, был крайне выгоден норвежской стороне. Несмотря на то, что Николай I изначально не был согласен на проект делимитации границ [Nielsen 2012, 42], подготовленный при его брате, в 1826 г. договор все же был подписан по причине твердого желания нового императора следовать во взаимоотношениях со Швецией принципам добрососедства, сложившимся при Александре. Историк М.М. Бородкин пишет по поводу договора, что норвежской стороне «достались три незамерзающих залива с глубокими гаванями, 400 верст морского берега, считая изгибы заливов, и наш тресковый промысел, не говоря уже о звериных и лесных угодьях, которые самими норвежцами назывались “общими погостами” и во всяком случае признавались спорными. Кроме того, Россия лишалась ста душ православных лопарей, морской и горной территории, которая, по писцовым книгам и жалованным царским грамотам, составляла вотчину Печенгского монастыря. И все это отошло в возмездие «за пустую ссору норвежских лопарей с русскими из-за оленей» [Бородкин 1903, 104].

Уступка Объединенным королевствам Швеции и Норвегии привела к результату, обратному задуманному: норвежцы восприняли неожиданное решение русского императора в качестве предпосылки русской экспансии на севере, связывая ее с вероятным желанием русской стороны в будущем пересмотреть условия невыгодного для нее договора [Зайков, Зарецкая 2024, 210].

Обострение русско-норвежских отношений происходит в 1840-е гг.: сильнейший голод вынудил финских саамов перейти к освоению рыбных промыслов, относившихся к Норвегии. Эта проблема вынуждает российское правительство вспомнить об инициативе графа Сухтелена, который, будучи русским посланником в Стокгольме в 1826 г., предлагал в тот момент обменять так называемый финский выступ — участок территории Великого княжества Финляндского, сильно вдававшийся на норвежскую территорию, — на часть земель в районе Варангер-фьорда, что позволяло Финляндии получить доступ к необходимым рыбным промыслам Арктики. Однако подобное предложение в конце 1840-х гг. не встречает понимания у норвежской стороны, хотя норвежские саамы крайне нуждаются в пастбищах на севере Финляндии для выпаса северных оленей. Норвегия закрывает доступ к Варангер-фьорду для финских лопарей, и в качестве ответной меры русское правительство вынуждено в 1852 г. закрыть границу для норвежских саамов, а в 1853 г. установить санкции за выпас ими оленей на территории Великого княжества Финляндского. Этот пограничный конфликт тут же становится не только катализатором антироссийских настроений в Норвегии, но и инструментом враждебной по отношению к России пропаганды в странах-союзницах, что особенно заметно на примере публикаций Times. Популярность этого крупнейшего английского периодического издания и его влияние на общественные настроения не только в Великобритании, но и в других странах Европы, пресса которых регулярно цитировала Times, трудно переоценить. Тираж этой газеты вырос с 16 тыс. экземпляров в день в 1840 г. до 61 тыс. в 1855 г., при том что у главных конкурентов крупнейшего медиаресурса Великобритании той эпохи этот показатель составлял от 3 до 6 тыс. [Rath 2011, 72]. Замыслы России на севере во время Крымской кампании Times преподносит читателям в следующем виде: «У России нет порта, из которого она могла бы сразу

выйти в океан, кроме Архангельска, но продвижение на запад через самую северную часть Норвегии дало бы ей прекрасные гавани, открытые большую часть года, и сразу поставило бы ее в положение атлантической державы. <...> Тот факт, что привычки кочевых племен¹³ на пустошах крайнего Севера стали предлогом для вмешательства со стороны российского монарха, является достаточным доказательством того, что религиозное рвение, разжигающее пламя на Юге, было политикой, а не принципом. Это почти карикатура <...>: пересечение границы Финляндии норвежцами стало поводом для военных приготовлений против всего королевства короля Оскара»¹⁴.

При этом в частной переписке политиков стран-союзниц значение напряженности вокруг Варангер-фьорда оценивалось несколько иначе. 25 сентября 1855 г. Пальмерстон в письме Кларендону раскрывает свое видение роли приграничного конфликта: «Швеция, если бы ей предоставили свободу действовать по своему усмотрению, могла бы иметь стимулы, которые могли бы заставить ее согласиться на то, что хочет Россия. Предположим, например, что Россия предложила бы обмен Аландов и Бомарсунда на фьорд на севере Норвегии — шведское правительство, если предоставить ему свободу, может прийти к выводу, что сделка хороша для Швеции, однако для нас она будет очень дурна» [Akten zur Geschichte des Krimkriegs 1988, 141].

Причину опасений Великобритании в отношении Варангер-фьорда раскрывает английский посол во Франции в 1852–1867 гг. Г. Уэлсли в частном письме Кларендону от 25 сентября 1855 года. Он пишет о том, что сообщил французскому императору о наличии у России «продуманного плана получить во владение часть норвежской территории, где море всегда было свободно ото льдов в самую ненастную зиму, и там, где могла быть легко построена одна из тех гигантских военных баз, в создании которых так хороша была Россия», а также о том, что это «будет представлять собой постоянную угрозу для побережья Франции и Англии» [Ibid., 136].

Фактически же, как было показано выше, Россия руководствовалась совершенно иными мотивами при проведении переговоров с Объединенными королевствами Швеции и Норвегии по поводу Варангер-фьорда. Однако Великобритании было важно достичь главной цели — заключить договор со Швецией, задача которого была сформулирована Пальмерстоном в его процитированном выше письме: «Предлагаемый нами договор станет частью протяженного барьера, призванного ограничить будущее расширение России, даже если события войны не позволят нам отодвинуть крайние точки российской периферии за пределы ее нынешних границ» [Ibid., 141].

Использование мнимой угрозы, связанной с Варангер-фьордом, оказалось эффективным инструментом давления на шведскую сторону. В итоге 21 ноября 1855 г. Швеция, Англия и Франция заключили договор, по которому Швеция обязывалась не уступать России какой бы то ни было территории, в том числе и в порядке обмена, а также не предоставлять российской стороне прав на пастбища или рыбную ловлю. Союзные же державы обязались выделить Швеции для защиты от потенциальных русских притязаний сотысячную армию в случае необходимости [Бородкин 1903, 99–100].

Таким образом, Берг, переоценив значение успехов «революционной пропаганды», на протяжении всей записки совершенно обходит вниманием проблему Варангер-фьорда, которая имела огромное значение для оказания союзниками выгодного для себя воздействия на правящие круги Швеции и Норвегии.

Следующим фактором, который определял развитие внешнеполитических событий в Балтийском регионе, являлась, по мнению Берга, личная позиция короля Швеции и Норвегии Оскара I: «Действия морских держав на Севере неминуемо должны клониться к тому, чтобы

¹³ Имеются в виду саамы, упоминавшиеся выше.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Ед. хр. 38 «Вырезки из французских, немецких, шведских и англ. газет с замечаниями Кудрявского Х.». Л. 66.

расположением общественного и народного мнения в пользу войны преобороть единственное сопротивление, которое они встречали в Швеции, — личное убеждение благонамеренного короля»¹⁵.

Действительно, как отмечается в шведской историографии, несмотря на то, что в Швеции были сильны позиции Риксдага, на практике внешнеполитическая стратегия в значительной степени формировалась самим королем [Stein 2010, 10]. Лояльность Швеции по отношению к России на международной арене с 1812 г. и до начала Крымской войны (так называемая «политика 1812 г.») во многом сохранялась благодаря позиции Карла XIV Юхана, имевшего теплые личные отношения с Александром I и видевшего в России гаранта благополучия Швеции, особенно после присоединения к ней при российской поддержке Норвегии по Кильскому договору 1814 г.

Однако «политика 1812 г.» шла вразрез с настроениями, царившими внутри шведского общества: к моменту Крымской кампании в Швеции была жива память о русско-шведской войне 1808–1809 гг. При этом значительные симпатии вызывала Великобритания как главный противовес России на международной арене. В данном контексте характерно высказывание главы военно-морского флота Швеции в 1849–1854 гг. Бальцара фон Платена: «Для Скандинавии я признаю только одного естественного союзника — Великобританию, и одного естественного противника — Россию» [Ibid., 24].

Необходимо отметить также, что ориентация на Великобританию наиболее ярко проявлялась во внешней торговле. Об этом свидетельствует, в частности, «Отчет о торговле, банковском деле, фабриках и производствах в Швеции в 1855 г.», составленный сотрудниками Генерального консульства России в Швеции. В подобных ежегодных отчетах значительное место уделялось анализу внешнеторговой статистики, собираемой администрацией Стокгольмского порта. Согласно ей, в 1855 г. из Великобритании было импортировано товаров на 2 321 551 риксталер (при этом объем шведского экспорта на Британские острова составил 1 888 790 риксталеров). Аналогичные показатели для России (включая Финляндию) составили 910 011 риксталеров и 665 624 риксталера соответственно¹⁶ (то есть меньше в 2,6 и 2,8 раза). Таким образом, во внешнеторговой сфере Великобритания была для Швеции гораздо более важным партнером, чем Россия.

Все вышеперечисленные факторы были приняты во внимание сыном Карла XIV — Оскаром I, взошедшим на престол в 1844 г. и не разделявшим в полной мере принципы «политики 1812 г.» своего отца. В частности, об этом свидетельствует хранящийся в архиве шведской королевской семьи и опубликованный в цитируемой выше работе Г. Штайна секретный проект договора, собственноручно составленного королем [Stein 2010, 86] в качестве дополнения к рассмотренному выше Ноябрьскому договору, но так и не обсужденного с союзниками. Как резонно пишет сам Штайн, «зачем составлять наступательный договор, который, по-видимому, никогда не был представлен предполагаемым союзникам, если целью не было начать войну?» [Ibid., 93]

Проект документа состоит из восьми статей. В первой из них среди договаривающихся сторон названы не только император Франции, королева Великобритании и король Объединенных королевств Швеции и Норвегии, но и император Австрии, присоединение которого к стану стран-союзниц было условием Стокгольма для выступления против России. Договаривающиеся стороны, «признавая важность, которую ослабление власти России в Балтийском море и восстановление, насколько позволят обстоятельства, политического равновесия на Севере, скомпрометированного усилением России, будет означать для всей Европы, обещают друг другу тесный союз» [Ibid., 110].

Для достижения этого результата в ст. II участники договора «обязуются предоставить следующей весной для достижения вышеуказанной цели солдат и достаточные военно-морские

¹⁵ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Ед. хр. 1419 «Об общем распределении войск на 1856 г.». Л. 81.

¹⁶ Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 193 «Российская миссия в Стокгольме, 1856. Оп. 817. Ед. хр. 93 «Compte rendu sur le commerce, la Banque, les fabriques, et les manufactures en Suede». Л. 6–9, 31–36.

силы¹⁷ для господства на Балтийском море, осуществления перевозок войск и поддержания необходимых коммуникаций» [Ibid.]. В ст. III Великобритания и Франция «обязуются дополнительно выплачивать Его Величеству королю Швеции и Норвегии в качестве субсидий¹⁸ на время войны каждый месяц и покрывать расходы на подготовку к кампании» [Ibid.]. В ст. IV уточняется, что после согласования плана кампании «непосредственное командование сухопутными и морскими силами каждой страны останется в руках генералов и адмиралов, назначенных для этой цели их соответствующими правительствами» [Ibid., 111]. Ст. V содержит запрет на заключение сепаратного мира любой из сторон с Россией. Остальные статьи договора демонстрируют желание короля вовлечь в конфликт с Россией Данию.

Несмотря на то, что, как говорилось выше, вероятность вступления Дании в войну на стороне союзников была не очень высока, король не оставляет надежд вовлечь в конфликт своего скандинавского соседа: по шведскому проекту, Дания должна была предоставить в распоряжение союзного командования войска и флот в обмен на обещание других договаривающихся сторон гарантировать территориальную целостность Дании и сохранить право взимать Зундские пошлины [Ibid.]. Кроме того, необходимо отметить, что, кроме самого текста проекта договора, существует и нарисованный королем план военной кампании [Ibid., 113]. В силу всех вышеперечисленных обстоятельств агрессивные намерения Швеции и лично Оскара I не оставляют сомнений.

В заключительной части записки Берг делает выводы относительно наиболее вероятных мест нанесения противником удара по балтийскому побережью и военных мер, принятие которых необходимо для укрепления российских позиций. Итоговый тезис записки, имеющий отношение к анализу внешнеполитических угроз, сформулирован следующим образом: «Финляндия представляет для сего как в военном, так и в политическом отношении более выгод, нежели Остзейская губерния; преимущественно же потому, что высадка союзников в этом краю вовлекает в войну против России, вероятно, Швецию и Данию»¹⁹.

Заключение

Необходимо отметить, что перед войной Берг непосредственно занимался вопросами разведки, что было обусловлено его должностью генерал-квартирмейстера Главного штаба (с октября 1843 г. по февраль 1855 г.)²⁰. Основными каналами получения разведывательной информации в тот период были следующие источники: иностранная периодика, доклады военных корреспондентов, сообщения из русских дипломатических миссий, а также донесения тайной агентуры²¹. В силу занимаемой Бергом незадолго до момента составления записки должности можно предположить, что во многом анализ именно этих источников разведывательных данных лежал в основе выводов финляндского генерал-губернатора. В настоящий момент исследователям доступны и другие документы, которые с большой вероятностью не были известны Бергу, прежде всего частная переписка представителей высших эшелонов власти стран-союзников, а также личные бумаги шведского короля. Кроме того, централизованного органа сбора разведывательной информации тогда не существовало, то есть, скорее всего, Берг не мог воспользоваться информацией, собираемой по линии других ведомств (например, внешнеторговой статистикой, направляемой в Министерство финансов).

По этим причинам большая часть выводов Берга в отношении оценки внешнеполитической ситуации с позиции современного исследователя представляется не совсем точной с учетом

¹⁷ Отметим, что точное количество предоставляемых военных сил пропущено.

¹⁸ Точные суммы также не указаны.

¹⁹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419 «Об общем распределении войск на 1856 г.». Л. 110.

²⁰ Генеральный штаб Вооруженных Сил Российской Федерации // Министерство обороны РФ [Электронный ресурс]. URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history_department/general_staff.htm (дата обращения: 25.12.2024).

²¹ Кривопапов А.А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг.: дисс... канд. ист. наук. М., 2003. С. 136.

результатов анализа иных источников. Противодействие США в Вест-Индии с помощью Великобритании, если бы такое могло иметь место, как считал Берг, было для королевства значительно менее важным, чем поддержка России в вопросе сохранения суверенитета над герцогствами Шлезвиг и Гольштейн и права взимания Зундских пошлин. В контексте устойчивого образа Великобритании как геополитического противника в датском общественном мнении вероятность вступления Дании в войну на стороне союзников была гораздо менее вероятной угрозой, чем нарушение нейтралитета Швецией. В последней же главным инструментом давления со стороны союзников на правящие круги была не пропагандистская деятельность финских эмигрантов, а царившие в них антироссийские настроения, подкрепленные экономической зависимостью от Великобритании как ключевого внешнеторгового партнера и усиленные конфликтом вокруг Варангер-фьорда, который Бергом не был даже упомянут в качестве важного фактора развития международных отношений на Балтике. Личная позиция короля, вопреки мнению Берга, также не способствовала отказу Швеции от активных военных действий на стороне союзников. Фактически лишь подписание Парижского мирного договора в марте 1856 г. не позволило Швеции присоединиться к антироссийской коалиции.

Причины (военного характера) того, почему кампания 1856 г. так и не была начата, изложены адмиралом Р.С. Дандасом — первым лордом адмиралтейства Великобритании в 1852–1856 гг. Он следующим образом описывает итоги заседания так называемой Балтийской комиссии — состоявшегося в январе 1856 г. совещания союзников: «После всеобщего обсуждения всего плана и с учетом необходимости использования огромного количества транспортных средств, которые потребуются на море и суше, а также большой неопределенности успеха, краткости сезона для военных операций и вытекающих из этого рисков в случае неудачи план [Балтийской кампании] был признан невыполнимым» [Akten zur Geschichte des Krimkriegs 1988, 600].

Во многом Дандас косвенно признает и заслуги Берга по обороне Балтийского побережья. Взятие ключевых оборонительных пунктов было признано невозможным в короткие сроки: в случае Риги и Ревеля единственной возможностью взятия этих городов была признана длительная полноценная осада; для овладения Свеаборгом нужна была серьезная предварительная сухопутная операция [Ibid.].

Таким образом, несмотря на то, что оценка Бергом внешнеполитических рисков во многом была неточна, на практике она не привела к катастрофическим последствиям. И во многом это было достигнуто благодаря тому, что эффективность мер по укреплению Бергом балтийского побережья смогла оказать на противника необходимый сдерживающий эффект.

Список литературы:

Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг. В 4 т. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. 1855–1894. М.: Кучково поле, 2018.

Бородкин М. Война в 1854–55 гг. на финском побережье. СПб: Типография Главного управления делов, 1903.

Еарп Б. Кампания 1854 г. в Балтийском море // Морской сборник. 1910. № 1. С. 47–80.

Зайков К.С., Зарецкая О.В. Ассиметричное соседство империи и малой нации на Крайнем Севере: образ русского «Другого» и российско-шведско / норвежские отношения в XIX – начале XX вв. // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 201–225. DOI: [10.37482/issn2221-2698.2024.57.201](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.201)

Клинге М. Имперская Финляндия. СПб: Коло, 2005.

Тарле Е.В. Крымская война. В 2 т. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959.

Akten zur Geschichte des Krimkriegs (AGKK) / ed. by W. Baumgart. Ser. 3: Englische Akten zur Geschichte des Krimkriegs. Band 4. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1988.

Earp B. The History of the Baltic Campaign of 1854. From Documents and Other Materials Furnished by Vice-Admiral Sir Charles Napier. London: Richard Bentley, 1857.

Greenhill B., Giffard A. The British Assault on Finland, 1854-1855: A Forgotten Naval War. London: Conway Maritime Press Ltd, 1988.

Kuldkepp M. Scandinavian Neutrality in the Crimean War // The Routledge Handbook of the Crimean War / ed. by C. Badem. London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2021. P. 165–177.

Nielsen J.P. The Russian-Swedish Union Treaty of 1812 and Norway's Role // Вестник Северного (Арктического) федерального университета: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 4. С. 40–48.

Rath A.C. The Global Dimensions of Britain and France's Crimean War Naval Campaigns against Russia, 1854–1856. Montreal: McGill University, 2011.

Stein G. Attacking The Giant's Jugular Instead of His Toe — Anglo-Swedish Negotiations in the Crimean War. Buckingham: University of Buckingham, 2010.

References:

Airapetov O.R. (2018) *Istoriya vneshney politiki Rossiyskoy imperii. 1801–1914 gg. V 4 t. T. 3. Vneshnyaya politika imperatorov Aleksandra II i Aleksandra III. 1855–1894*. [The history of the foreign policy of the Russian Empire (1801–1914). Vol. 3. The foreign policy of Emperors Alexander II and Alexander III. 1855–1894]. Moscow: Kuchkovo Pole.

Baumgart W.(ed.) (1988) *Akten zur Geschichte des Krimkriegs Ser. 3: Englische Akten zur Geschichte des Krimkriegs*. Munich: R. Oldenbourg Verlag.

Borodkin M.M. (1903) *Voyna v 1854–55 gg. na finskom poberezh'ye* [War in 1854–55 on the Finnish coast]. Saint Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov .

Earp B. (1857) *The History of the Baltic Campaign of 1854. From Documents and Other Materials Furnished by Vice-Admiral Sir Charles Napier*. London: Richard Bentley.

Earp B. (1910) The History of the Baltic Campaign of 1854. *Morskoy sbornik*. No. 1. P. 47–80.

Greenhill B., Giffard A. (1988) *The British Assault on Finland, 1854-1855: A Forgotten Naval War*. London: Conway Maritime Press Ltd.

Klinge M. (2005) *Imperial Finland*. Saint Petersburg: Kolo.

Kuldkepp M. (2021) *Scandinavian Neutrality in the Crimean War*. In: Badem C. (ed.) *The Routledge Handbook of the Crimean War*. London: Routledge, Taylor & Francis Group. P. 165–177.

Nielsen J.P. (2012) The Russian-Swedish Union Treaty of 1812 and Norway's Role. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta: Gumanitarnye i social'nye nauki*. No. 4. P. 40–48.

Rath A.C. (2011) *The Global Dimensions of Britain and France's Crimean War Naval Campaigns against Russia, 1854–1856*. Montreal: McGill University.

Stein G. (2010) *Attacking The Giant's Jugular Instead of His Toe — Anglo-Swedish Negotiations in the Crimean War*. Buckingham: University of Buckingham.

Tarle E.V. (1959) *Krymskaya voyna* [Crimean War]. In 2 vol. Vol. 2. M.: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR.

Zaikov K.S., Zaretskaya O.V. (2024) Asymmetrical Neighborhood of the Empire and a Small Nation in the Far North: The Image of the Russian "Otherness" and Russian-Swedish / Norwegian Relations in the 19th – Early 20th Centuries. *Arktika i Sever*. No. 57. P. 201–225. DOI: [10.37482/issn2221-2698.2024.57.201](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.201)